

ДИЛЕММЫ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

И.Н. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

Проблематика мирового порядка в современной литературе зачастую рассматривается через взаимодействие ведущих центров силы. Возможен и другой подход. Мировой порядок образуют государства. От имени государства отправляются международные дела, оно имеет право на легитимное насилие, оно же обладает возможностью концентрировать экономические и человеческие ресурсы. Очевидно, что природа государства как элемента международной системы оказывает влияние и на саму эту систему, задает её ключевые параметры.

Возникает вопрос: что происходит с современным государством? Как влияют его трансформации на облик современного мирового порядка? Почему меняется государство? Какая иерархия государств просматривается в современном мировом порядке? Мы исходим из следующих тезисов.

Во-первых, национальное государство перестаёт быть универсальной формулой государственного строительства. В этой формуле так и не был достигнут баланс справедливости и эффективности – двух ключевых основ легитимного порядка. Причём происходит это и в развитом, и в развивающемся мире.

Во-вторых, современный мировой порядок представляет собой мозаику принципиально разных по своей природе государств. Каждое пытается найти свою формулу сочетания справедливого и эффективного государства. Эти формулы далеко не всегда совпадают друг с другом, что закладывает нестабильность в международные отношения.

В-третьих, ключевая роль в мировом порядке всё ещё принадлежит узкой группе крупных держав. Вопрос о суверенитете и реальной субъектности многих государств остается открытым. Мировому порядку, как и современному государству, свойственна разбалансировка между справедливостью и эффективностью. Желаемое многими гармоничное сочетание двух этих принципов на основе международных институтов снова может быть подменено торжеством эффективности над справедливостью – обеспечением порядка через баланс сил и жёсткую иерархию.

.....

Ключевые слова: государство, мировой порядок, справедливость, эффективность, демократия, великие державы, международные отношения, институты.

■ Мировая политика

Дискуссия о мировом порядке не утрачивает актуальности в политической и экспертной среде на протяжении последних двадцати пяти лет. В ходе этой дискуссии выработался консенсус по поводу того, что после окончания холодной войны международные отношения находятся в переходном состоянии, а вопрос об их новой структуре всё ещё остаётся открытым.

Преимущественно дискуссия ведётся вокруг представлений о полярности существующего миропорядка. До недавнего времени она сводилась к спору между сторонниками однополярной и многополярной концепций. Первая предполагала восприятие США как единственного центра мировой силы, задающего правила игры и обладающего неоспоримым военно-экономическим потенциалом. Вторая – это восприятие мира как полицентричной системы, в которой сосуществуют несколько сильных государств или их сообществ. Каждый центр имеет свои конкурентные преимущества, а значит и своё слово в определении глобальной повестки дня. Концепция многополярности превратилась в один из стержневых элементов российской внешней политики. Она полагалась более демократичной, открытой и гибкой в сравнении с биполярной и, тем более, однополярной системами. Весь этот спор ложился в традицию структурного реализма, прекрасно понятного в России, в США и на Западе в целом¹.

Существует и целый ряд других измерений этого вопроса. Они остаются за скобками дискуссии о центрах силы, но представляются критически важными для понимания будущего миропорядка. Мировой порядок, как устойчивая система международных отношений, формируется из государств, их альянсов или сообществ. Государство остаётся краеугольным камнем этой системы. От его имени отправляются международные дела, оно имеет право на легитимное насилие, оно же обладает возможностью концентрировать сравнительно большие экономические и человеческие ресурсы. Природа государства задает ключевые параметры системы международных отношений. Отделять внешнюю политику государства от внутренней, сводить всю систему международных отношений к балансу сил и хаотичному движению бильярдных шаров означало бы чрезмерно упрощать её. Сила – важный, но далеко не единственный параметр.

Четверть века назад это показал пример СССР – мощнейшей сверхдержавы, рухнувшей почти в одночасье под грузом внутренних проблем. Сегодня таким примером становится

Украина, где кризис государственности породил сильнейшую цепную реакцию и привёл едва ли не к новому континентальному расколу. В данном контексте стоит также отметить кризис модели светского государства на Большом Ближнем Востоке и появление «Исламского государства»². В том же ряду – кризис государства всеобщего благоденствия в Европе, усиление Евросоюза как качественно новой надгосударственной структуры, откат от третьей волны демократизации и многие другие процессы, характеризующие изменение природы современного государства.

Возникает вопрос: что происходит с современным государством? Как влияют его трансформации на облик современного мирового порядка? Почему меняется государство? Какая иерархия государств просматривается в современном мировом порядке? Отправной точкой ответа на эти вопросы станут следующие тезисы.

Во-первых, национальное государство (nation state) образца XX в. перестанет быть универсальной формулой государственного строительства. В этой формуле так и не был достигнут баланс справедливости и эффективности – двух ключевых основ легитимного порядка. Попытка уравновесить их через опору на ценности свободы и прогресса терпит неудачу и в развитом, и в развивающемся мире. Национальное государство либо трансформируется в иное качество, либо ему на смену приходят новые формы организации общества.

Во-вторых, современный мировой порядок представляет собой мозаику принципиально разных по своей природе государств. Они образуют кластеры или своего рода «созвездия»³. Каждый такой кластер, исходя из своих типологических особенностей и повестки дня, пытается найти собственную формулу сочетания справедливого и эффективного государства. Эти формулы далеко не всегда совпадают друг с другом, что закладывает нестабильность в международные отношения, а попытка навязывания универсальных схем одними государствами другим раскачивает систему ещё сильнее.

В-третьих, хотим мы того или нет, но ключевая роль в мировом порядке всё ещё принадлежит узкой группе крупных держав или их альянсов. В их взаимоотношения, характеризующиеся сочетанием конкуренции, сотрудничества и компромиссов, вовлечены меньшие страны. Вопрос о суверенитете и реальной международно-политической субъектности многих государств остаётся открытым. Сами крупные державы и отношения этих держав между собой могут стать заложниками внутренних измене-

¹ В основе такого подхода лежат принципы неореализма, широко используемые в российской и западной теории международных отношений. Концептуальным каркасом здесь являются разработки Кеннета Уолтса, сделанные еще в период холодной войны. См. [1].

² Исламское государство (ИГ) является террористической организацией. Её деятельность на территории России запрещена.

³ Это наглядно показало количественное исследование «Политический атлас современности» под руководством А.Ю. Мельвиля. См. [3].

ний в меньших странах. Мировому порядку, как и современному государству, свойственна разбалансировка между справедливостью и эффективностью. Желанное многими гармоничное сочетание двух этих принципов на основе международных институтов снова может быть подменено торжеством эффективности над справедливостью – обеспечением порядка через баланс сил и жёсткую иерархию.

1

Спор международников о роли государства традиционно имел свою специфику. Как известно, реалисты выводили на первый план фактор силы, имея в виду, главным образом, военно-экономический потенциал. Стремление к гегемонии, защите и продвижению своих интересов полагалось универсальной чертой государств, независимо от их устройства. Значит, укрупнение анархии и мировой порядок возможны только через выстраивание баланса сил. Противники реалистов, либералы, наоборот, придавали устройству государства большее значение. Взаимосвязь международных отношений с государством они сводили к природе политического режима, основываясь на постулате Иммануила Канта: демократии склонны в меньшей степени воевать друг с другом и в целом менее агрессивны на международной арене [5]. Демократические правительства в большей степени подотчётны обществу, которое не заинтересовано в войне. Следовательно, по Канту, «вечный мир» возможен тогда, когда все государства превратятся в демократии, а правительства будут подотчётны гражданскому обществу.

Явный недостаток этого спора состоит в том, что дискуссия международников о сущности государства свелась преимущественно к обсуждению его политического режима. Такой подход страдает излишним упрощением. Нельзя сводить всё богатство внутренней природы государства к его режиму, не говоря уже о том, что связь между режимом и международными отношениями далеко неочевидна. Однако это упрощение становится понятным, если обратиться к дискуссии о самом государстве без привязки к международным делам.

На Западе системообразующими этой дискуссии выступали два вопроса: о *справедливом* и об *эффективном* государстве. Своё современное звучание эта связка получила на фоне развития капитализма, буржуазных революций и утраты властью традиционных основ легитимности. Проблема состояла в том, как добиться баланса интересов граждан, ограничить произвол элит и при этом выстроить действенные механизмы управления и перераспределения благ. Эффективность далеко не всегда гарантирует справедливость, ведь эффективное государство вполне может использоваться для террора и подавления граждан. А значит, справедливость и эффективность не тождественны друг другу, как не тождественны мораль и политика. Но по-

скольку мораль – важный источник легитимности власти, игнорировать её не получается даже у самых убежденных прагматиков.

В XX в. формулой решения проблемы стало так называемое современное государство, или государство модерна. Эта идея, зародившаяся несколькими столетиями ранее, получила наиболее широкое практическое воплощение именно в XX в. И справедливость, и эффективность сводились к понятию рациональности. Человеческий разум полагался универсальной преобразующей силой, а благо человека – целью, достижимой с помощью разума. Для этого требовалось максимальное раскрепощение индивида, его освобождение от нерациональных форм – сословных ограничений, религиозных предрассудков и т.п. Соответственно, базовыми ценностями в этой формуле стали свобода как торжество разума над традиционными условностями и прогресс как поступательное развитие человека и общества, рациональное преобразование мира.

Справедливость понималась как состояние, в котором каждый индивид мог на равных с другими реализовать свои возможности. Она гарантировалась правом и выражалась в равенстве индивидов перед законом. При этом сам закон носил рациональный и светский характер, будучи хотя бы формально отделённым от религии. Гарантия справедливости через право потребовала и пересмотра понятия суверенитета. Его источником теперь выступал народ (nation) как политическое сообщество равных индивидов. А законодательство и само отправление власти осуществляли его представители. Выборы или назначение этих представителей, разделение властей между ними, опять же, осуществлялись через систему рациональных институтов, закреплённых законом.

По сути, в такой схеме справедливость стала не только моральной, но и правовой категорией. Каждый гражданин получил возможность иметь собственное представление о справедливости (ценности и мораль), но реализовывать их в рамках общих правовых установлений. Государство же оставалось монополистом на справедливость только в пределах установления правовых норм и только в рамках контролируемых обществом процедур. Но не имело монополию на справедливость. Конечно, государство оставалось мощным источником формирования ценностей и национальной идентичности, но за индивидом закреплялась автономия в определении собственных предпочтений. Важным элементом автономии можно считать и экономическую свободу, выражаемую в свободном труде и независимости капиталистического предприятия от государства. Мера ценностной и экономической автономии стала фундаментальной основой в дискуссии о пределах вмешательства государства в жизнь общества – от патерналистского государства до «государства – ночного сторожа».

■ Мировая политика

Естественно, проблема эффективного государства также получила удобное решение через рациональность⁴. Огромную роль в проникновении этой установки на уровень государства сыграл капитализм. Планирование, жёсткий контроль и учёт, концентрация управления предприятием, минимизация затрат и максимально возможное расширение рынка превратились в принципы правильно функционирующего государства⁵.

Эффективное государство приобрело, как минимум, три важные черты. Во-первых, оно стало «самоописывающейся системой»: все ключевые стороны его жизни непрерывно фиксируются и стандартизируются. Постоянный сбор и анализ важных для государства статистических данных – то, что в своё время Уильям Пэтти назвал политической арифметикой – прочно вошли в повседневную практику.

Во-вторых, государство значительно глубже проникло в ткань общества. Изменилось качество его власти. Сохраняя функции гаранта правопорядка, оно стало регулировать всё больше элементов общественной жизни, наращивая свою дисциплинарную власть. Это привело к взрывному росту качества жизни и организованности общества, но существенно сузило сферу автономии индивида. Рост формальной свободы сочетался с сокращением свободы частной, пусть и под лозунгами просвещения и прогресса.

В-третьих, современное государство стало массовым. С одной стороны, в политику были вовлечены огромные массы, имеющие реальное или хотя бы формальное право голоса. С другой стороны, государство мобилизовало эти массы для решения своих внутренних и внешних задач, организовало и стандартизировало их, превратило в хорошо отлаженный механизм.

Подобная концепция справедливого и эффективного государства стала предметом конкуренции как минимум трёх ключевых идеологических доктрин современности: либерализма, социализма и консерватизма. Общим для них оказалось понимание одной важной вещи. Эффективное и мощное государство можно использовать для утверждения определённых принципов справедливости, закрепляя их в праве либо минувя его.

Здесь и заискрила связка эффективности и справедливости. Эффективное государство стало самостоятельной силой и вместе с тем – смертельной угрозой справедливости. По иронии, первую злую шутку государство сыграло именно с капитализмом. Ещё в XIX в. марксистский тезис об экономическом базисе и политической надстройке воспринимался в Европе вполне серьёзно. Однако в первой половине

XX в. на этой иллюзии был поставлен жирный крест. Государство показало себя во всей своей новой силе. Сам капитализм приобрёл иное качество, либо сопрягаясь с интересами государства, либо становясь жертвой его экспериментов. Не менее злую шутку государство сыграло и с обществом. Вместо сообщества рациональных индивидов со своими представлениями о справедливости, оно оказалось массой, на инстинктах которой можно было легко играть с помощью новых инструментов пропаганды. Суверенитет народа превращался в фикцию, а «железный закон олигархии» выделял бюрократию в господствующий политический класс даже при наличии демократических процедур. Не случайно именно сдерживание государства стало лейтмотивом современной политической философии.

На практике выделилось несколько сценариев балансировки справедливого и эффективного государства⁶. В одних случаях государствам удалось добиться высочайшей эффективности. Причём этот процесс шёл параллельно с ростом эффективности экономики, что предопределило лидерство этих государств на мировой арене. Одновременно стремительный рост дисциплинарной власти породил системное сопротивление государству со стороны общества. В результате предпринимательский класс и гражданское общество сохранили свою автономию, пусть с определёнными оговорками и отклонениями. Однако баланс оставался весьма хрупким. Стимул очередному наступлению дисциплинарной власти дала недавняя «цифровая революция». Чем в большей степени деловая и частная жизнь гражданина проникает в цифровую среду, тем больше возможностей для контроля появляется у государства. Парадоксальным образом демократичный по своей природе интернет даёт прекрасную почву для дисциплинарной власти. Это несёт угрозу правам граждан, а значит, и фундаментальным основам справедливости национального государства. Давая качественный рост эффективности, «цифровая революция» бросает новый вызов справедливости, на который гражданскому обществу ещё только предстоит найти ответ⁷.

В других случаях развитие инструментов дисциплинарной власти и повышение эффективности государства в целом привело к формированию жёстких тоталитарных или авторитарных режимов. Сам феномен тоталитаризма стал возможен именно благодаря новым технологиям организации власти и появлению массового общества. Отсылка к справедливости была критически важна для формирования идеологии данных режимов. Но на деле её реализация в

⁴ Иллюстрацию этого процесса показал в своих работах, в частности, Мишель Фуко. См., например: [6].

⁵ На примере развития вооружённых сил это прекрасно показал Уильям Макнил в своём историческом анализе военной промышленности и способов её организации. См. [2].

⁶ Идею подобных сценариев автору подсказала статья Андрея Цыганкова, см. [7]

⁷ Этому вопросу посвящена одна из Валдайских записок. См. [11].

лице права было полностью подмято под себя государством, а любые очаги сопротивления в обществе подавлены. В краткосрочном плане это позволяло государству достигать амбициозных задач развития и громко заявлять о себе на международной арене. В долгосрочном – породило кризис модели государства модерна, причём именно с точки зрения эффективности. В дальнейшем это способствовало переходу к более мягким формам авторитарного правления. Их можно охарактеризовать парой «нестабильная эффективность (впечатляющие достижения и риск не менее впечатляющих откатов)/подавленная справедливость».

Таким путём последовали не только некоторые крупные державы, но также и многие страны, получившие независимость в XX в. и выстраивавшие свою государственность едва ли не с чистого листа. Всеобъемлющее государство стало для них удобным инструментом форсированного строительства нации. Некоторым странам удалось добиться ощутимого социально-экономического прогресса, причём в ряде случаев сформировался запрос общества на политическое представительство и реальное главенство закона. Сегодня наиболее яркий пример такого парадокса – революции «арабской весны». Как правило, они произошли после нескольких десятилетий устойчивого роста качества жизни. Дисбаланс эффективности и справедливости привёл к глубокому кризису этих государств даже притом, что их эффективность была относительно высокой.

Наконец, третий сценарий – провал как эффективного, так и справедливого государства. Опыт XX в. выявил важную закономерность: эффективное государство представляет угрозу главенству права, то есть справедливому государству. Всегда существует риск того, что бюрократия выйдет из-под контроля, подмяв под себя и закон, и капитал, и гражданское общество. Но без эффективного государства справедливость невозможна по определению, её просто некому и нечем будет гарантировать. Демократические институты без эффективных инструментов государственного управления во многом становятся бесполезными. Можно принять сколько угодно хороших законов сколь угодно демократическими процедурами, но если отсутствует эффективный аппарат их исполнения, они так и останутся на бумаге. Поэтому в случаях, когда выстраивание эффективного государства потерпело крах, вопрос о справедливости не стоял в принципе, поскольку справедливость пала жертвой анархии, а не сильного государства. Такое положение дел наблюдается во многих странах третьего мира и в некоторых постсоветских государствах⁸. Всеобъемлющая коррупция, внутренние конфликты, отсутствие монополии на

насилие блокируют законность, а вместе с ней и справедливость.

2

Все три сценария по-своему меняют национальное государство, порождая различные кластеры, «созвездия» или типы государств. Можно выделить как минимум несколько таких кластеров. В первую очередь внимания заслуживает Европа (в границах ЕС) – родина самой идеи нации и национального государства. У этого кластера есть несколько особенностей.

Во-первых, это реализация во многих европейских странах принципа эффективного государства в виде идеи государства всеобщего благосостояния. Помимо главенства закона и демократии, велферизм стал также и одним из оснований справедливости⁹. Это подразумевало весьма существенное вмешательство государства в экономику (жёсткая налоговая политика, индикативное планирование), но при эффективности государственных механизмов перераспределения в сочетании с рынком модель оказалась вполне успешной. Тем не менее, сегодня её будущее стоит под вопросом на фоне экономической стагнации и беспрецедентного притока мигрантов. В случае с мигрантами важно не только то, что они забирают часть ресурсов социального государства. Важно, что собственные представления гражданина о справедливости начинают отклоняться от изначального идеала. Даже правовая концепция справедливости (при всей своей абстрактности и рациональности) основана на культурном пласте – индивидуальные «концепции» справедливости в целом признают справедливость правовую. Ситуация меняется с появлением мигрантов из дальней культурной дистанции [12]. Они готовы потреблять социальные блага, но их представления о справедливости могут быть принципиально иными, чем у принимающего общества (например, тесно связанными с религиозными нормами). Это ставит многие европейские страны перед дилеммой: либо подавлять и жёстко ассимилировать мигрантов средствами эффективного государства (контроль в обмен на блага), либо менять собственные представления о справедливости. Обе модели несут риски. В первом случае – риск сопротивления мигрантов, во втором – коренного населения.

Во-вторых, это относительно стабильные партийные и в целом демократические институты, которым свойственны снижающиеся политическое участие и падающая мобилизация. Стабильная демократия породила спад политической активности масс. По меньшей мере, электоральное участие здесь остаётся весьма низким. У граждан имеются инструменты отстаивания своих интересов и прав. В институциональ-

⁸ Об угрозе анархии и слабом государстве, в частности, пишет Ричард Лакманн в одной из Валдайских записок. См.: [10].

⁹ См., например: [9].

■ Мировая политика

ном плане принципы справедливости в Европе остаются, похоже, наиболее защищёнными, но спрос на них со стороны самого общества вряд ли можно назвать растущим.

В-третьих, практически все эти государства делегировали часть суверенитета своему ключевому союзнику – США. Они утратили часть международной субъектности с точки зрения силы, но смогли сконцентрировать ресурсы на задачах развития.

Создание Европейского союза – ключевой и во многом беспрецедентный элемент трансформации европейских государств. Наряду с делегированием части военного суверенитета США, они также делегируют некоторые полномочия союзным институтам. Это приводит к нескольким следствиям. Прежде всего, снятие многих барьеров даёт колоссальный рост эффективности с точки зрения движения труда и капитала. Появление наднациональных институтов в перспективе превращает Союз в крупного игрока на международной арене. Пока он остаётся в рамках экономической и «мягкой» силы, но сама институциональная консолидация в перспективе превращает его в самостоятельный полюс на мировой арене.

А вот вопрос справедливости, как обычно, остаётся наиболее чувствительным. Проблема начинает звучать по-новому по мере укрепления политической роли Брюсселя. Греческий кризис наглядно показал взаимную уязвимость: Греции – перед мощью европейской бюрократии, а самого Евросоюза – перед проблемами отдельных стран и попытками местных политиков сыграть на отстаивании национальных интересов. В итоге вопрос вновь останавливается перед проблемой суверенитета и его легитимности. Распыление суверенитета народа (нации) на весь Европейский союз неизбежно порождает кризис его легитимности, когда дело доходит до интересов граждан отдельных государств. Справедливость через главенство права упирается в вопрос реального соотношения права ЕС и права отдельных государств. В перспективе это вызов всему европейскому проекту, особенно учитывая разный уровень развития старых и новых членов. Конечно, институты ЕС по своей структуре являются демократическими. Но далеко не очевидно, что им удастся одновременно решить извечную проблему «железного закона олигархии» и избежать намечающийся кризис легитимности власти ЕС.

В качестве отдельного кластера, неразрывно связанного с «созвездием» стран ЕС, следует выделить европейскую периферию – посткоммунистические или постсоветские страны. Грань между этими двумя кластерами стала весьма подвижной – некоторые из них сохранили признаки периферийности, но смогли войти в число членов ЕС. В большинстве своём они являются либо осколками крупных государств (СССР, Югославия), либо странами, чья роль и до распада этих государств была подчинённой или

периферийной, то есть эффективность экономики и государства была сравнительно низкой, а суверенитет частично или полностью подавлен.

Почти все эти страны ставили перед собой задачу стать «нормальными» национальными государствами, выстроить рыночную экономику, демократические институты и эффективную бюрократию. Решение этой задачи должно было удовлетворить спрос на справедливость, обострённый издержками распада крупных государств или же авторитарным прошлым. Некоторым это удалось – Польша, Чехия, Словакия и даже Венгрия могут считаться самыми удачными примерами. Другие смогли попасть в ЕС, что можно рассматривать в качестве признания Брюсселем успеха их социально-экономической трансформации. Однако практически во всех случаях уже в полный рост проявляют себя издержки делегирования суверенитета, о которых упоминалось выше. Даже в случае успешных транзитов конечный пункт оказался отличным от предполагавшегося. Суверенного национального государства, в строгом смысле этого слова, не получилось ни у кого из «отличников» и «хорошистов».

Иным оказался конечный пункт у «двоечников» и «троечников» – в основном постсоветских государств, оставшихся за бортом европейской интеграции. Три из них (Украина, Грузия и Молдавия) прошли или проходят через гражданскую войну и территориальную дезинтеграцию. Они стали объектом жёсткой конкуренции крупных центров силы (России, США и ЕС), которая спровоцировала многие проблемы. Этим государствам не удалось выстроить эффективные и не коррумпированные государственные институты (исключением стала Грузия, хотя и здесь успешные реформы полиции и государственного аппарата ещё требуют проверки временем). В результате их демократические институты повисли в воздухе – демократия оказалась неподкреплённой достаточной государственностью.

Попытка вовлечения Брюсселем государств подобного типа в орбиту своего влияния дала неоднозначные результаты. В случае Молдовы и Грузии она прошла почти незамеченной и, возможно, даст некоторые позитивные результаты для развития этих стран. Однако в случае Украины система дала сильнейший сбой. На поверхность вышел весь комплекс проблем – и слабые институты, и отставание в развитии, и геополитическая конкуренция крупных игроков, и родовые травмы европейского порядка постбиополярной эпохи. Все эти проблемы буквально разрывают украинскую государственность. Примечательно, что украинская революция 2014 г. стала следствием стихийного запроса общества на справедливость и эффективность власти. Способность удовлетворить этот запрос во многом будет определять будущее Украины как государства, а заодно покажет жизнеспособность проекта, предлагаемого стране Западом.

В этом контексте интересна судьба России. После окончания холодной войны она вошла в число транзитных государств, ставя перед собой задачу строительства рынка и демократии. Она могла либо разделить судьбу «отличников» и «хорошистов», успешно интегрировавшись в западные структуры, но отдав часть своего суверенитета. Либо стать «двоечником» или «троечником» - хрупким государством, бесконечно стремящимся «в Европу», но не способным интегрироваться в неё под грузом внутренних проблем. К середине нулевых годов стало окончательно понятно, что Россия отказывается от этих ролей. Ни делегировать суверенитет, ни оставаться хрупким государством Россия была не готова. Украинский кризис лишь расставил последние точки над і.

Принципиально иные «созвездия» образовали государства не западного мира. Несмотря на культурное и цивилизационное разнообразие, в XX в. многие из них предпринимали попытки модернизации и выстраивания национального государства по западному образцу. Вопрос справедливости здесь стоял принципиально в ином ключе. Она понималась преимущественно в утилитарном смысле, по сути, отождествлялась с эффективностью. Если государство эффективно, то есть способно добиться роста качества жизни, решить внутренние проблемы и постоять за себя на международной арене, то оно и является справедливым. В незападном мире доминирование государства в экономике и его приоритет над обществом традиционно воспринимались как норма. Поэтому, в отличие от Запада, и вопрос о свободе стоял здесь как «свобода для», а не «свобода от». Свобода понималась как независимость государства и его самостоятельность, а не как раскрепощение индивида. Рациональный прогресс становился средством реализации такой свободы, в отличие от Запада, где прогресс рассматривался скорее как результат свободы.

Однако жёсткая связка эффективности и справедливости таила в себе серьёзный вызов. Любой сбой государственного механизма грозил потерей легитимности и ставил власть под удар. Проблемы исходили, в числе прочего, от экономики, ведь во многих не западных государствах государство играет самую активную роль в управлении хозяйством. Капиталистическими их можно назвать весьма условно, лишь с точки зрения включённости в мировую капиталистическую систему, но никак не с точки зрения реальной автономии капиталистического предприятия.

Ирония в том, что пределы рациональности показали именно эти государства, а вовсе не Запад, поставивший разум во главу угла. Оказалось, что попытка выстроить государство по принципу часового механизма – хорошо отлаженной рациональной системы – наталкивается на сложность и нелинейность экономики, общества и международных отношений. Конечно, рациональная вертикаль может давать впечат-

ляющие результаты. Но она не застрахована от сбоев, каждый из которых приводит к откату от достигнутых результатов. Запад в этом смысле сохранил для себя подушку безопасности в виде относительной свободы экономики и гражданского общества. Эффективное государство как бы разделяло ответственность с независимым капиталистическим предприятием, а обратная связь гражданского общества смягчала ошибки вертикали власти. В случае кризисов государство – не единственный ответчик за происходящее и не единственное средство спасения отдельного индивида. Ещё большая ирония в том, что очередное наступление эффективного государства на Западе может похоронить эту страховочную систему. Усиливая вертикаль и сужая пространство свободы, сами западные государства могут оказаться в уязвимом положении.

Но вернёмся в незападный мир. Проблемы с эффективностью здесь рано или поздно породили проблемы со справедливостью, а значит – и с легитимностью. История XX и XXI вв. показала разные формы проявления этой проблемы и разные способы её решения, образовав в незападном мире целый ряд своих «созвездий» государств. Здесь тоже можно выделить свои истории успеха и провала.

Истории успеха сосредоточились в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который сегодня многими рассматривается как мотор глобального экономического роста. Здесь выделилась группа государств, добившаяся колоссальных успехов в контроле качества и эффективности производства. Наиболее яркие примеры – Япония и Южная Корея, сделавшие ставку на крупные вертикально интегрированные компании, далёкие по своей структуре от идеалов западной свободной конкуренции. За счёт тесного вовлечения в глобальную капиталистическую систему были получены беспрецедентные результаты. Государства региона также напоминают вертикально-интегрированные корпорации с институтами демократии. Однако именно эффективность выделяется их сущностной чертой. Сингапур в этом плане стал хрестоматийным примером форсированного решения проблем эффективной государственности.

Борьба за эффективное государство характерна для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Даже те, кому не удалось взять планку Японии, Южной Кореи и Сингапура, добились ощутимых результатов, решения многих внутренних конфликтов и устойчивого экономического роста.

Особое место, конечно, занимает Китай. Он сохранил всю полноту государственного суверенитета в военно-политическом отношении: на его территории нет иностранных баз, он не находится в поле притяжения других держав. При том, что ещё сто лет назад ситуация была кардинально иной. Эффективное государство превратилось едва ли не в национальную идею.

■ Мировая политика

Сохраняя жёсткую вертикаль власти, руководство КНР предпринимает шаги по демократизации на местах. Прорыв в эффективности производства, большие ресурсы для экстенсивного роста, самая тесная интеграция в глобальный капиталистический рынок дали Китаю феноменальные темпы роста.

Однако и Китай, и многие другие страны региона стоят перед общим вызовом – пределами роста глобальной экономики и ёмкости своего внутреннего рынка. Не исключено, что ёмкость ресурсной ниши для глобального роста исчерпана, а внутренние источники недостаточны даже для Китая с его огромным внутренним рынком. Глобальный кризис перепроизводства и рецессия могут больно ударить и по государственным проектам стран региона. Формула «рост в обмен на политическую лояльность» в этих условиях окажется под вопросом. В одних случаях страховкой станут демократические институты национального образца, в других – элементы традиционной «подданической» культуры. Но пределы экономического роста снова выведут на передний план проблему справедливости распределения ресурсов и власти. А значит, элитам придётся приспосабливать модели государства к новым условиям.

На Большом Ближнем Востоке истории успеха государственных проектов имели свою специфику. Эффективное государство здесь тоже выступало приоритетной целью. Дух технократии с уровня экономики проникал на уровень государства. Целому ряду стран удалось достичь серьёзных результатов в области развития, пусть и авторитарными методами. Но появились и проблемы. Одна из них – огромный демографический резерв молодого и грамотного населения. Темпы роста экономики просто не успевали за приращением этого резерва. И здесь привязка справедливости к эффективности государства заискрилась в полную силу, чем воспользовались, прежде всего, радикальные исламисты. Они поспешили дать альтернативную концепцию справедливости, которая базируется на идее возврата к «истинному исламу». Попробовали использовать момент и западные державы во главе с США с идеей демократизации исламских государств.

Революции «арабской весны», подъём радикального исламизма и вмешательство Запада заставили светские государства региона трансформироваться. В одних случаях светское государство буквально прошло «по краю». Наиболее показателен в этом отношении пример Египта, где военные, по сути, вырвали власть у исламистов и пресекли расползающийся кризис государства. В других случаях революция и последовавшее вмешательство извне привели к фактическому распаду и трайбализации – превращению государства в конгломерат враждующих кланов и племён. Случаи Ливии и Йемена здесь наиболее иллюстративны, хотя у каждой страны есть свои особенности. Нако-

нец, гражданская война в Сирии в комбинации с крахом государственности в «демократизированном» Ираке стали благоприятной средой для появления «Исламского государства» (ИГ) [8, 4].

Вряд ли стоит напоминать о том, что принципы построения ИГ в корне отличаются от западных принципов национального государства и даже светских режимов в исламских странах. Это жестокое, террористическое и радикальное государство. Уместно ли определять ИГ как «государство»? Обычно (и в данной статье) указывается, что это террористическая группировка. Однако важно другое. При всей своей внешней архаичности, ИГ предпринимает активные попытки выстроить эффективные институты, то есть взять на вооружение самые передовые технологии власти, том числе цифровые. В сочетании с радикально религиозной концепцией справедливости, а также претензией на её экспорт (построение халифата) ИГ становится опасным врагом любого светского режима на огромном пространстве исламского мира. Одновременно ИГ выпускает на волю практики, давно ставшие табу в «цивилизованном» мире: рабство, публичные казни, пытки и многое другое.

Парадоксальным образом ИГ добилась крайне успешного для реализации своих целей сочетания эффективности и «справедливости». Этот успех измеряется, как минимум, двумя параметрами. Первый – неоспоримое влияние ИГ на умы и сердца жителей многих исламских стран. Ряды добровольцев ИГ, по всей видимости, пополняются без перебоев. Второй – военные успехи. С «Исламским государством» воюют все ключевые западные державы, но высокоточные и высокотехнологичные удары их вооружённых сил позволяют лишь тактически сдерживать ИГ. На этом фоне вмешательство России в конфликт для многих из них оказалось шоком. Сам факт того, что Запад не рискует идти дальше воздушных бомбардировок, говорит о многом. Внутри ряда западных государств уже образовались крупные анклавы исламского населения, что порождает риски для внутренней стабильности этих стран. Расстрел редакции Шарли Эбдо – наверное, самый яркий символический сигнал просвещенческим принципам национального государства.

Одним из следствий успеха ИГ и угрозы легитимности светской власти вполне может стать растущее увлечение лидеров светских государств традиционными и религиозными ценностями. Её границы будут разными, но так или иначе этот процесс уже заметен. Попытка сместить конкуренцию светского и религиозного на их конвергенцию может оказаться единственной оптимальной стратегией для многих режимов, но институты демократии такой конвергенции явно не помогут.

Следует обратить внимание на особый кластер ближневосточных государств – нефтяные монархии Персидского залива. Здесь сложилась

интересная модель, сочетающая традиционные устои власти с попытками выстроить общество с высокими потребительскими стандартами. Нефтяная рента выступает залогом стабильности государства и растущего качества жизни, а опора на религиозные нормы стала мощным компонентом власти. Затяжное падение цен на нефть – серьёзный экономический вызов, но сама политическая конструкция вряд ли существенно изменится.

Выделяется на этом фоне Иран. Он являет пример сочетания официального религиозного государства и ставки на ускоренный технический прогресс. Фактически, в отличие от многих стран региона, Иран решил для себя проблему баланса справедливости и эффективности. Иранская модель может оказаться одной из наиболее устойчивых. А возвращение на нефтяной рынок, снятие санкций и развитие программы мирного атома в перспективе делают из Ирана крупного регионального игрока.

Наконец, необходимо коснуться ещё двух крупных региональных кластеров: Африки южнее Сахары и Латинской Америки. В первом случае задача заключается в построении эффективного государства, способного к решению многочисленных проблем качества жизни. Понятно, что страны региона серьёзно отличаются друг от друга. Но все они отличаются низким качеством и уровнем жизни при наличии острых внутренних конфликтов. Вопрос справедливости во многих из них сводится к способности государства решить существующие проблемы хотя бы на базовом уровне.

В Латинской Америке выделяются несколько моделей, сочетающих в себе устоявшиеся традиции суверенной государственности, развития демократических институтов и решения проблем развития. В этом регионе сосредоточилась «скамейка запасных» национальных государств. Если западноевропейские демократии ушли в своего рода постмодерн, то в Латинской Америке национальное государство ближе к изначальному западному проекту. Прорыв в решении проблемы эффективности властных институтов даст заявку на то, что именно в этом регионе проект национального государства получит шанс сохраниться в своём изначальном виде.

3

На мировой порядок продолжают оказывать сильное влияние крупные державы. Все они характеризуются одной общей чертой. В сравнении с другими странами, они обладают максимальной полнотой суверенитета, хотя их внутренняя природа довольно разнообразна. Изменение их внутренней сущности оказывает влияние на международные дела.

Несомненно, самой влиятельной державой мира остаются США. В последнее время и в самой Америке, и за её пределами много говорится о закате американского могущества. Дей-

ствительно, в мире появляются новые центры силы. США вряд ли могут решать международные проблемы в одиночку, жёстко навязывая свою волю остальным. Однако если посмотреть на само американское государство, то картина предстаёт в ином измерении.

Как бы мы ни относились к США, следует признать наличие у этого государства ряда сильных сторон. Во-первых, это одно из наиболее эффективных государств в плане и властных технологий, и развития. Во-вторых, эффективность власти сочетается здесь с устойчивостью институтов и большим запасом легитимности. Америка известна своими диспропорциями социального неравенства. Но сами принципы функционирования государства, при всех оговорках, близки идее правовой справедливости. Ещё важнее то, что мощная капиталистическая экономика позволила Америке возглавить процесс глобализации, круто поменяв природу государства с точки зрения рыночных отношений. Обладая существенными конкурентными преимуществами, США смогли сделать принцип открытых дверей и свободной торговли едва ли не всемирной нормой. Государство перестало быть ключевой единицей рынка. Он в значительной большей степени стал всемирным, при том, что сами США оказались в центре этой системы, по меньшей мере, с финансовой и технологической точек зрения. Многие страны выиграли от такого положения дел, получив глобальный рынок в отдельных нишах производства. Интересно, что это касается и стран, считающихся геополитическими соперниками США, прежде всего, Китая.

Конечно, перед американской системой стоят вызовы, которые будут толкать её к изменениям. Усиление бюрократии грозит девальвацией системы сдержек и противовесов. Дилемма эффективного и справедливого государства стоит на повестке дня и здесь. Нос точки зрения перспектив национального государства более важной представляется другая проблема.

Свою политическую систему американцы рассматривают в качестве универсального образца, который может и должен быть использован в остальном мире. Иными словами, распространение своей концепции справедливости американцы видят средством достижения справедливости и в международных делах. Демократия и правовое государство стали ключевыми элементами внешнеполитической идеологии США. Однако идеологизация этих принципов привела к их содержательному выхолащиванию. В результате реакция многих стран на распространение американских стандартов справедливости была сродни реакции подростков на нотации директора школы. При всей разумности и рациональности нотаций, «подростки» (многие из которых старше «директора») делали наоборот или по-своему, мобилизуя собственные традиции, опыт и культуру. Подводит американцев и явная политизация идеи демократии – её

■ Мировая политика

экспорт начинает рассматриваться как угроза существующим режимам и средство негласного механизма вмешательства во внутренние дела. В лучшем случае американское мессианство за рубежом встречают с настороженностью. Всё это, конечно, не угрожает американской политической системе как таковой, но её глобальная привлекательность оказывается под большим вопросом.

Модель глобализации также находится под угрозой. Её конкурентами могут стать проекты региональной экономической интеграции. Но даже в этой ситуации у США есть альтернативные возможности. С одной стороны, они могут возглавить региональную интеграцию, сосредоточившись на наиболее перспективных точках мирового роста (Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнёрства). С другой стороны, они могут получить выгоду от роста издержек производства за рубежом, запустив реиндустриализацию у себя дома.

Иными словами, лидерство США в будущем мировом порядке будет определяться не только и не столько их мощью и степенью контроля над международными делами. Оно будет определяться также высокой устойчивостью американской политической системы и многовариантностью адаптации к кризисам глобального рынка, в котором США продолжают играть весомую роль.

Устойчивость политической системы представляется важным конкурентным преимуществом и ряда других крупных государств, в том числе Бразилии и Индии. В обеих странах выстроены достаточно гибкие демократические институты, при этом в определенной мере реализованы принципы правовой справедливости и сохранён собственный суверенитет. Решение проблем внутреннего развития в будущем вполне может привести и к росту роли в международных делах этих стран, особенно Индии – ядерной державы с колоссальным демографическим резервом, растущим научным и технологическим потенциалом.

Положение КНР представляется менее устойчивым. Впечатляющие темпы роста и скачок в развитии действительно вывели Китай в число мировых лидеров. Но трансформация политической системы, повышение её гибкости и демократичности всё ещё остаются на повестке дня, а сокращение темпов экономического роста вполне может обострить проблему. КНР крайне осторожно реформирует свою политическую систему, оглядываясь на неудачный опыт советской «перестройки». Стабильность положения Китая на международной арене будет во многом зависеть от успеха этих реформ.

Ещё менее устойчивым может оказаться положение России. Распад Советского Союза был вызван кумулятивным спадом эффективности

государства и растущим запросом общества на большую открытость, свободу и правовую справедливость. Пережив дезинтеграцию и тяжелейший политический транзит, страна так и не добилась системного решения этих проблем. Их остроту снизил экономический рост нулевых годов. Рост цен на сырьё увеличил ресурсный пирог и позволял удовлетворять экономические запросы элиты и общества. Заодно он дал возможность отложить решение имеющихся проблем на будущее. Но сегодняшняя рецессия вновь ставит их в полный рост. Ситуацию усугубляет разрыв отношений с Западом и выросшая изоляция на международной арене. Разрыв с Западом, в свою очередь, ставит под вопрос успешность курса на централизацию и усиление роли государства в экономике. По аналогии с некоторыми азиатскими государствами такая модель могла бы быть эффективной, но не в условиях изоляции от глобальной капиталистической системы. С другой стороны, и децентрализация таит в себе массу рисков. Оптимально было бы осуществлять её постепенно. Так или иначе, у России мало времени, кризис может оказаться затяжным и адаптироваться к новым условиям следует очень быстро.

В сухом остатке, России необходимо меняться, решая проблемы эффективности и справедливости одновременно. В отличие от других мировых держав, по всей видимости, она будет вынуждена сделать это в предельно сжатые сроки. При этом спектр возможностей узок, а риски высоки, как никогда. Дальнейшее усиление вертикали власти при сокращении ресурсов, падении эффективности, отчуждении общества от власти и сокращении пространства свободы чревато тупиком. С другой стороны, стихийная демократизация и либерализация угрожают распадом государства и анархией, как это произошло в Советском Союзе в результате перестройки. В обоих случаях давление извне лишь усугубит последствия.

Надежду даёт то, что в последние двадцать пять лет Россия стала капиталистической страной, а общество – значительно менее закрепощённым. Значит, остаётся возможным третий путь, когда бизнесу и обществу придётся взять на себя больше ответственности и, одновременно, свободы. Государство должно будет гарантировать законность и соблюдение правил игры. У России не остаётся иной альтернативы, кроме строительства настоящего национально-государства¹⁰. В отличие от исламских государств, у нас нет возможности найти источник справедливости в традиционных и религиозных ценностях: они были подорваны или уничтожены в XX в. В отличие от азиатских государств и СССР 1930-х гг., у нас уже нет возможности для экстенсивного роста и решения проблемы справедливости за счёт рывков в развитии. В

¹⁰ Естественно, речь идёт о таком государстве, где власть народа не подменяется «говорением от лица народа». См., например, [1].

отличие от стран ЕС, мы не можем поступиться суверенитетом, отказаться от нашей роли в мире даже ради выигрыша в развитии. Нам остаётся последовательно добиваться главенства закона как фундаментальной основы справедливости.

Эта цель вряд ли нуждается в монолитной идеологической базе. Россию сегодня часто критикуют за отсутствие проекта или модели, привлекательных для других стран. Однако на данном этапе это обстоятельство представляется нашим конкурентным преимуществом. Опыт Советского Союза показал, что в случае, когда такая модель становится самодовлеющей, она всё дальше уходит от реальности, требуя всё новых и новых затрат ради достижения политических целей. То же показывает сегодня опыт США, да и пример ЕС, внешнеполитические идеологии которых становятся всё более догматичными, а значит и сильнее оторванными от реальности. Наша задача – прагматично выстраивать правовое и эффективное государство, дающее пространство свободы для капитала и гражданского общества. При этом Россия может позволить себе роскошь делать это самостоятельно, не оглядываясь на предписания из-за рубежа. Решение данной задачи сделает Россию привлекательной для окружающего мира без помпезных идеологий и затратных пиар-компаний.

Одновременно России придётся найти прагматичную стратегию поведения в современном мировом порядке с его перекосами и дисбалансами. Идеальным вариантом было бы укрепление международного права и усиление ООН, а на уровне европейской политики – ОБСЕ при снижении роли НАТО. Подобная установка была стартовой для нашей внешнеполитической доктрины двадцать пять лет назад. Учитывая последующий опыт, сегодня она утратила актуальность как для самой России, так и для многих её зарубежных партнёров. Один из альтернативных вариантов стабилизации мирового порядка – формирование двух или нескольких полюсов,

баланс сил которых стабилизировал бы международные отношения. Но сама возможность создания такой конструкции вызывает большие вопросы. Если с полюсом западных держав всё более или менее понятно (он институционально оформлен в виде НАТО, а неформально – в виде большой семёрки), то с альтернативными полюсами ситуация гораздо менее очевидна. Похоже, что незападные державы стараются избежать позиционирования себя в виде конкурентных полюсов. При этом появляются силы, вроде радикального исламизма, которые претендуют на транснациональный масштаб и в привычную полюсную структуру просто не вписываются. А какие еще силы, кроме исламизма, удовлетворяют этим критериям?

Во всей этой мутной воде было бы разумно вести многовекторную политику, избегая конфронтации. Препятствие для реализации этой тактики обнаруживается на уровне государства. Кризисы «хрупких государств», особенно на стыке интересов крупных держав, порождают международные последствия непропорционального масштаба. К сожалению, прекрасной иллюстрацией тому является украинский кризис. Он начался в результате кризиса государственности, а его следствием стал разрыв отношений России и Запада практически во всех сферах, включая те из них, которые не имели непосредственного отношения к Украине. Вдобавок ко всему, война взаимных санкций не решила ни одной собственно украинской проблемы, лишь дополнительно усугубив их и резко снизив уровень безопасности в Европе. В конечном счёте, Украина вынуждена будет сама справляться с проблемами своей государственности. А последствия кризиса для европейского, да и для международного порядка, России и её партнёрам из числа крупных игроков придётся решать сообща – либо договариваясь, либо возвращаясь к балансу сил. На фоне многих других угроз последний сценарий вызывает большие вопросы.

Список литературы

1. Капустин Б.Г. Постсоветская история России: взгляд снизу [Электронный ресурс]. // Национальный интерес, 31.07.2015. Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/postsovetskaya-istoriya-rossii-vzglyad-snizu/> (дата обращения 13.02.2016).
2. Макнил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI-XX веках / Пер. с англ. Т. Ованнисяна; предисловие Г. Дерлугьяна; научная редакция и послесловие С.А. Нефедова. М.: ИД Территория будущего, 2008. 456 с.
3. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полуни Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности. М.: РОССПЭН, 2007. 272 с.
4. Мирский Г.И. Радикальный исламизм. Идеино-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. М.: МДК Валдай, 2015. 52 с.
5. Сергунин А. Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999. 504 с.
7. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке [Электронный ресурс]. // Национальный интерес, 12.05.2015. Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke/> (дата обращения 13.02.2016).

■ Мировая политика

8. Filiu J.-P. From Deep State to Islamic State: The Arab Counter Revolution and its Jihadi Legacy. Oxford University Press, 2015. 240 p.
9. Greve B. Welfare and Welfare State: Present and Future. Routledge, 2014. 234 p.
10. Lachmann R. After Hegemony and Before Global Climate Change: The Future of States. // Valdai Paper. 2015. No. 18.9 p.
11. Sergeev V., Alekseenkova E. Discipline and Punish Again? Another Edition of Police State or Back to the Middle Ages. // Valdai Paper. 2015. No. 27.12 p.
12. Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work? Ed. by L. Morales and M. Guigni. (Migration, Minorities and Citizenship). Palgrave Macmillan, 2011. 308 p.
13. Waltz K. Chapter 1. Laws and Theories // Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 256 p. Pp. 1-17.

Об авторе

Тимофеев Иван Николаевич – к.полит.н., доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России, программный директор Российского совета по международным делам, руководитель программы «Государство в современном мире МДК «Валдай». E-mail: mctimoff@mail.ru.

Статья подготовленная в рамках программы «Государство в современном мире» МДК «Валдай».

STATE DILEMMAS IN THE CONTEMPORARY WORLD ORDER

I.N. Timofeev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The problems of the world order is often seen through the interaction of the leading centers of power. Nevertheless there is another approach, locating actorhood in the state, which forms the world order. State acts in international affairs, it has the right of legitimate violence, it also has the ability to concentrate the economic and human resources. Obviously, the nature of the state as part of the international system has an effect on the system itself, defining its key parameters.*

From that point of view, some questions arise: what happens to the state? What is the effect of its transformation on the contemporary world order? Why the state is changing? What hierarchy of states exists in the contemporary world order? The author proceed from the following theses.

First, the nation state is no longer a universal formula of nation building. However, there is no balance between two key foundations of a legitimate order - fairness and efficiency.

Second, the current world order is a mosaic of fundamentally different states. Each state is trying to find a formula for the combination of a fairness and efficiency. These formulas do not always coincide with each other, and it underlays the stability in international relations.

Third, a small group of major powers still play the key role in the world order. The issue of sovereignty of many countries remains open. World order, as well as a state, is characterized by imbalance between equity and efficiency. The awaited harmony of these two principles may be spoofed again the triumph of efficiency over justice – maintenance of order through the balance of power and a rigid hierarchy.

Key words: world order, state, hierarchy, legitimate order, fairness and efficiency.

References

1. Kapustin B.G. Postsovetskaiaistoriia Rossii: vzgliad s nizu [The post-Soviet history of Russia: a view from the bottom]. Natsional'nyi interes, 31.07.2015. Available at: <http://ni.globalaffairs.ru/postsovetskaya-istoriya-rossii-vzglyad-snizu/> (Accessed:13.02.2016). (In Russian)
2. McNeill W.H. The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000. The University of Chicago Press, 1982. 416 p. (Russ. ed.: Maknil U. V pogonezamoshch'iu. Tekhnologiiia, vooruzhennaia sila i obshchestvo v XI-XX vekakh. Moscow, ID Territoriiia budushchego, 2008. 456 p.)
3. Mel'vil' A.Iu., Il'in M.V., Polunin Iu.A., Mironiuk M.G., Meleshkina E.Iu., Timofeev I.N. Politicheskii atlas sovremennosti [Political Atlas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 272 p. (In Russian)

4. Mirskii G.I. Radikal'nyi islamizm. Ideino-politicheskaia motivatsiia i vliianie na mirovoe musul'manskoesobshchestvo [Radical Islamism. The ideological and political motivation and impact on the global Muslim community]. Moscow, MDK Valdai, 2015. 52 p. (In Russian)
5. Sergunin A. Immanuel Kant: rol' v razvitii teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Immanuel Kant: the role in the development of international relations theory]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 p.
6. Foucault M. Surveill e et punir: naissance de la prison. Gallimard, 1975. 424 p. (Russ. ed.: Fuko M. Nadzirat' inakazyvat'. Rozhdeniie iur'my. Moscow, AdMarginem Publ., 1999. 504 p.)
7. Tsygankov A.P. Sil'no gosudarstvo: teoriia i praktika v 21 veke [Strong State: The Theory and Practice in the 21st century]. Natsional'ny i interes, 12.05.2015. Available at: <http://ni.globalaffairs.ru/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke> (Accessed: 13.02.2016). (In Russian)
8. Filiu J.-P. From Deep State to Islamic State: The Arab Counter Revolution and its Jihadi Legacy. Oxford University Press, 2015. 240 p.
9. Greve B. Welfare and Welfare State: Present and Future. Routledge, 2014. 234 p.
10. Lachmann R. After Hegemony and Before Global Climate Change: The Future of States. Valdai Paper, 2015, no. 18. 9 p.
11. Sergeev V., Alekseenkova E. Discipline and Punish Again? Another Edition of Police State or Back to the Middle Ages. Valdai Paper, 2015, no. 27. 12 p.
12. Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work? Ed. by L. Morales and M. Guigni. (Migration, Minorities and Citizenship). Palgrave Macmillan, 2011. 308 p.
13. Waltz K. Chapter 1. Laws and Theories. Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 256 p. Pp. 1-17.

About the author

Ivan Timofeev – PhD in Political Science, assistant professor of political theory of MGIMO-University, program director of the Russian International Affairs Council. E-mail: mctimoff@mail.ru.